

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ**

**АРЕАЛЬНОЕ И ГЕНЕТИЧЕСКОЕ
В СТРУКТУРЕ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ**

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА

Москва – 2007

Ответственный редактор

академик *Вяч. Вс. Иванов*

Ответственный секретарь и составитель

кандидат филологических наук *П. М. Аркадьев*

Издание подготовлено при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»

Ареальное и генетическое в структуре славянских языков. Материалы круглого стола.— М.: ПРОБЕЛ-2000, 2007.— 132 с.

Сборник издан к круглому столу «Ареальное и генетическое в структуре славянских языков», организованному Институтом славяноведения РАН в сентябре 2007 г., и включает статьи отечественных и зарубежных ученых – славистов и типологов, посвященные различным аспектам грамматики, лексики и фонологии славянских языков *sub specie* компаративистики, ареальной лингвистики, контактологии и типологии. Помимо собственно славянского материала, в статьях анализируются данные балтийских, германских, романских, иранских, албанского, а также ряда неиндоевропейских языков.

Сборник предназначен для лингвистов – славистов и типологов, интересующихся структурой славянских языков в широком межъязыковом и теоретическом контексте.

ISBN 978-5-98604-099-8

© Авторы

© Институт славяноведения РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>Вяч. Вс. Иванов (Институт славяноведения РАН, UCLA)</i> О соотношении унаследованного («генетического» в лингвистическом смысле) и ареального в структуре славянских языков	7
<i>П. М. Аркадьев (Институт славяноведения РАН)</i> Заметки к типологии префектива	17
<i>Бьёрн Вимер (Universität Konstanz)</i> Судьбы балто-славянских гипотез и сегодняшняя контактная лингвистика	31
<i>М. В. Завьялова (Институт славяноведения РАН)</i> Обзор изменений в литовской падежной системе под влиянием русского языка	46
<i>Т. Н. Молошная (Институт славяноведения РАН)</i> Заметки о развитии грамматического строя болгарского и других славянских языков под влиянием русского языка	67
<i>А. Ю. Русаков (СПбГУ)</i> Славянские языки на Балканах: аспекты контактного взаимодействия	77
<i>И. А. Сержант (Институт Литовского Языка, Вильнюс)</i> Контакты древнерусского и латышского языков в области фонетики	90
<i>Д. В. Сичинава (ВИНИТИ РАН)</i> Два ареала сверхсложных форм в Евразии: славянский плюсквамперфект между Западом и Востоком	102

О СООТНОШЕНИИ УНАСЛЕДОВАННОГО («ГЕНЕТИЧЕСКОГО» В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ СМЫСЛЕ) И АРЕАЛЬНОГО В СТРУКТУРЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Вяч. Вс. Иванов (Институт славяноведения РАН, UCLA)

1. Соотношение генетического (унаследованного от более ранних эпох в истории славянских языков) и ареального представляет собой часть более общего вопроса о выделении разных хронологических слоев внутри каждого отдельного языка начиная с праславянского. Часть включаемых в структуру славянского языка элементов принадлежит ареально с ним контактировавшим языкам; они могут быть близко родственными славянским, как балтийские языки, или родственными в пределах одной языковой семьи – индоевропейской, как часть языков балканского языкового союза (румынский, албанский, новогреческий), и в пределах одной макросемьи – ностратической (как тюркские языки Балкан).

2. Наиболее ранним хронологическим слоем, выявляемым при генетическом исследовании славянских языков, является уровень ностратических архаизмов, сохраненных в праславянском как индоевропейском диалекте. К ним относится, например, сохранение исходного растительного значения производных от корня **by-* < *bhī-*: ср. рус. *быть* – *былинка* – *быльё* (*быльём* *поросло*). Часть других индоевропейских языков (древнегреческий, албанский) сохраняет подобные архаические производные, но в большинстве диалектов (как, например, и в пределах ностратического в алтайских языках в отличие от уральских) корень представлен только глаголом существования – *связкой* (копулой). По мере изучения тех индоевропейских языков, которые (как анато-

лийские и тохарские) ранее других отделились от общеиндоевропейского (или «праиндо-хеттского»), возникает вопрос о происхождении черт, общих у праславянского с этими языками. Подробно это было изучено на примере польск. *dtugość*, прототип которого (как и родственных ему существительных в других славянских языках и в праславянском), тождествен хеттск. *dalugašti* ‘длина’; подобный вопрос может быть поставлен и по отношению к возможному соответствию образования того же типа – хеттск. *palhašti* ‘ширина’ в рус. *полость*, если это слово возводимо (прямо или через старославянский, заимствованием из которого оно могло быть в древнерусском) к тому же и.-е. **p(e/o/∅)lH-osti-*, которое является праформой и для приведенного хеттского существительного. Б. Розенкранц [Rosenkranz 1978: 133–136] указал на наличие целого пучка глагольных и отглагольных форм, которые объединяют, с одной стороны, хеттский (и отличные от него южно-анатолийские языки, как лувийский и близко ему родственные) с тохарскими, с другой стороны, армянский и славянский; предложенное им в этой связи понятие «понтийских» языков едва ли можно пробовать соотносить с реальными географическими ареальными соотношениями, хотя в свете новейших представлений о катастрофе, приведшей к образованию Черного моря, идея «циркумпонтийского» индоевропейского единства, высказывавшаяся такими археологами, как Н.Я. Мерперт, и может оказаться плодотворной. В некоторых из этих случаев дальнейшее развитие в славянском и анатолийском дает поразительно похожие результаты, как, в частности, в пересмыслении форм на *-l* как показателей личных форм прошедшего времени глагола в славянском и лидийском при похожих случаях употребления в тохарском. С общими для анатолийских и тохарских языков способами образования притяжательных прилагательных совпадают праславянские. Как в свое время показал кн. Н.С. Трубецкой, вхождение соответствующих форм в парадигму имени существительного, от которого прилагательные образованы, является характерной грамматической чертой старославянского (и, вероятно, праславянского). Хотя детали параллельной эволюции в каждом из этих языков могли различаться, первоначальный толчок скорее всего был дан уже в пределах праиндоевропейской общности при формировании архаичных пучков изоглосс. К достаточно раннему периоду (отчасти воз-

можно уже после отделения анатолийского) могут быть отнесены многочисленные тохаро-славянские общие черты. Например, если правильно предположение Адамса [Adams 1999: 661] о том, что тох. Б *šerška* несет в себе след и.-е. **swesorkikeH*, то связь с типом славянских уменьшительных, таких, как русск. *сестричка*, не вызывает сомнений. Давно замечено, что тох. Б *reki* ‘слово, повеление’ (A *rake*) тождественно прототипу ст.-сл. *рѣчь*, но из таких отождествлений следуют несомненные выводы о древних связях диалектов. В свете этих открытий нового времени кажется нужным пересмотреть привычные представления о степени архаичности славянских языков. В некоторых отношениях архаизм прямо их связывает с наиболее древними состояниями индоевропейского праязыка.

3. К несколько более позднему времени оказывается нужным отнести многочисленные славяно-иранские изоглоссы. Праславянский язык, как и армянский и тохарские языки, может быть отнесен в число «иранизованных» индоевропейских диалектов (термин был введен Е.Д. Поливановым в его исследованиях узбекских диалектов). Часть соответствующих явлений может объединять ареальные черты, соединяющие с тохарским иранские, особенно восточно-иранские, языки, как и славянские, в частности, это относится к общему для славянского, восточно-иранского и тохарского имени эпического героя-богатыря, названия «1000» и некоторых других числительных и употребления приставки **pe/o* в качестве приметы повелительного наклонения (тип русск. *пойдите*). Иранское воздействие на славянский словарь мифологических (и шире: религиозных и этических) представлений может быть отнесено к праславянскому, когда это влияние способствовало развитию еще более ранних комплексов идей. Древний прообраз «социального договора» (ср. сходные идеи вплоть до *contrat social* у Руссо) виден в функции индоиранского бога *Mi-tra* от корня и.-е. **mei-* ‘обмениваться’ (откуда слав. **mēn-*, русск. *менять, об-мен*, самое раннее индоиранское свидетельство – месопотамско-арийский бог *Mitra* в митаннийско-хеттском государственном договоре II тыс. до н.э.); использование слова в значениях ‘Солнце’, ‘Бог Митра’ в позднейших иранских солярных и *митраистских* культах ведет к изменению исходного значения. Происхождение и раннее значение др.-русск. *миръ* ‘мир, согласие, договор, Вселенная’ и производных от него

фразеологических сочетаний (**вьсь миръ** ‘весь мир’) согласуются с предположением иранского влияния: представляет интерес возможное соотнесение выводов работ В.Н. Топорова на эту тему с новыми исследованиями (Тюкана и др.) о проникновении митраизма на восток и юго-восток Европы, в том числе в Северное Причерноморье. В частности, связь в митраизме образа Митры со всем миром, Вселенной проясняет вероятную предысторию славянского слова с этим же значением. Существенное преобразование исходной дуальной системы богов в праславянский период было связано с иранским влиянием, когда из иранского **bag-* было заимствовано главное название бога. Половина имен богов в древнерусском пантеоне князя Владимира разъясняется как иранские заимствования; особо следует отметить заимствование из восточно-иранского (аланского) бога Хорса, имя которого связано и с прилагательным *хороший*, по Обнорскому заимствованным из того же источника. Следовательно с иранским влиянием была связана замена основного понятия положительного оценочного ряда. Интересный след иранского воздействия обнаруживается в негативном значении древнерусского мифологического существа **ДИВЪ** (ср. иранск. *dev-a-* ‘дэвовское отрицательное существо’ из индоиранск. и и.-е. названия главного положительного божества). С евразийским влиянием можно связать употребление древнерусского прилагательного **ДИВИИ** в значении ‘дикий’ – о животном (ср. аналогичные конструкции с родительным падежом родственного имени ‘бога’ в латышском и типологические параллели в енисейском).

Часть специфических славяно-иранских изоглосс, выявленных В.И. Абаевым, касается согдийско-аланской ветви восточно-иранского (к ним относится суффикс имен **-ak-*). Проникновение соответствующих иранских форм в славянские диалекты можно связать с географическим контактированием славян с восточными иранцами, в частности, скифами-аланами.

4. При исследовании ареальных и генетических языковых связей славян с балтами следует разделить общее наследие и свидетельства взаимных влияний. Наблюдаемое в северо-западной (циркумбалтийской) и северо-восточной части славянского языкового ареала развитие группы **-tl-/*-dl- > -kl-/ -gl-* сходно с восточно-балтийским (литовско-латышским) изменением и совпадает с аналогичным явлением в западно-балтийском древнепрус-

ским диалекте Эльбингского словаря. И.-е. суффикс *Nomina Instrumenti* *-tl-/*-dhl- > балт. *-dl- > -kl- (с вариантом -gl-, особенно в латгальском) является тематическим соответствием суффиксу имен деятеля *-tel/r-: праслав. *-tel-ǐ-, хет. -talla-/galla-: a-ku-ga-al-li-it и a-ku-ta-al-li-iš, если это название серебряной чаши, используемое при описании омовения рук царя, образовано от анатолийского eku-/a-ku-‘пить’ (тохар. А и Б yok-) посредством суффикса -tall- (< *-dhl-?) > -gall- (= *gl-), ср. хет. eku-ttara-«чашник, виночерпий». Это развитие свидетельствуется такими производными с тем же суффиксом, как лит. auklė ‘подобие лаптей, тесемки на обуви, сшитой, как мокасины, из одного цельного куска звериной шкуры’, латышск. aukla ‘струна’, др.-прусс. auclō ‘Halfter= узда’ (Эльб. Слов., 451; в производных от этого и.-е. корня сходный суффикс используется в латинск. [sub/ind-]-ūcula < *ou-t-l/r- > авест. aοθra ‘обувь’); лит. диалект. жемайт. tinklas ‘сеть’, латыш. tikls, др.-прусс. sasin-tinclo ‘Hasengarn = заячья западня’, вероятно родственное санскр. tāntram, фарси târ ‘нитка, струна’ < *tathra- (< *tānθra); лит. pjūklas ‘пила’, др.-прусс. piu-clan ‘Sichel = серп’, ст.-лит. riekles (Bretkūnas), др.-прусс. riklis ‘Suller = Soller, чердак’; лит. irklas ‘весло’, ср. санскр. aritram, aritras. Судя по итальяским соответствиям иногда прабалт. *-tl- > *-kl- соответствует варианту суффикса *-dhl- (> лат. -*bl-) в зап.-и.-е.: лит. stāklės, латыш. stakle, др.-прусс. stacle ‘Stütze beim Hause’ (Эльб.Слов., 197) родственно лат. stabulum ‘стоящая чаша’, умбр. stafflarem ‘для Юпитера (Stabilis)’, др.-в.-нем. stadal ‘стояк’ < √staH- + -dhl-. В тех случаях, где *-tl-, *-dhl- > *-dl- сохранено в древнепрусском, но не в литовском (восточно-балтийском), предполагаются диалектные различия: лит. žėnklas ‘знак’, жемайт. žinklas и ст.-лит. глагольная форма paszenkloioey соответствует др.-прусс. eb-sentl-iuns ‘bezeichnet = обозначаемый, символизируемый’: форма принадлежит религиозному словарю, засвидетельствованному в поздних катехизисах, и возводится к праформе *žentlā (также в топониме Kogonas-santle) в лит.-прусс. диалекте прабалтийского, тогда как производные от того же корня с суффиксами *-tl- (др.-в.-нем. be-knuodilen ‘подать знак’, ein-knuadil ‘insignis’ < *knōpla); -tl- или -tr- отражены в санскр. jñātra ‘способность к восприятию и познанию’, *dhl- в лат. (g)nōbilis. Консервативные фонетические особенности возвышенной семиотической терминологии и.-е. диалектов могли от-

личаться от отраженного в приведенных словах Эльбингского диалекта разговорного языка, легче меняющегося и подверженного инновациям.

Диалектные (и хронологические) различия в западно-балтийском могут быть представлены в отражениях начального *tl-* > *kl-* в древнепрусском названии 'медведя' *tlok-* (в словосложении в топониме: *Tlok-un-pelk*) > *klok-*: *cloc-is* 'Ber = медведь' (Эльб.Слов., 655, ср. *calcestis-clok*' 'Zidelber = медведь на пасеке', Эльб.Слов., 656). В этом зап.-балт. имени медведя предполагается след метатезы старого сочетания и.-е. сонанта **-r-* (который мог измениться в *-l-*, как это вероятно и по отношению к рассмотренному выше суффиксу) и переднеязычного (зубного) смычного (за которым первоначально следовал заднеязычный смычный, что привело к отражению их по типу так называемого «спиранта Бругмана»): др.-греч. ἄρκτος (**-тк-* > *-кт-*), др.-ирл. *art*, хет. *hartagga-* [*har-ta-ag-ga-*] 'медведь' < **Hrtok-o-*. Начальное прабалт. **tl-* (< **-rt-* в **Hrtok-?*) сохранено в словосложении в диалектном древнепрусском топониме и изменено в **kl-* в другом зап.-балтийском диалекте (представленном, как и в других подобных случаях, рассмотренных выше, в Эльбингском словаре). Эта начальная группа утрачивает первый смычный и превращается в **l-* в восточно-балтийском: лит. *lokys*, латыш. *lâcis* 'медведь'. Представляет интерес возможное совпадение изменения начала слова в и.-е. прилагательном со значением 'долгий, длинный', которое в восточно-балтийском утратило начальное **d-* в позиции перед слоговым *l*: лит. *ilgas*, латыш. *ilgs* при сохранении начального смычного в западно-балтийском ятвяжском *Dulgas* и в родственном славянском **dъ(/ъ?)lgъ*. Но исчезновение начального **d-* в словах этого корня характеризует зап.-и.е. языки и может быть более древним. В разных формах названия оборотня в литовских традициях, таких, как *vilktakis*, *vilktakys*, *vilktakas*, *vilkalotas*, *vikalatas*, *vilkatas*, *vilkatakas*, по гипотезе В.Н. Топорова, «может быть отражено балт. **vilk-* & **(t)lak-*, отсылающее к образу 'волко-медведя'» [Топоров 1984: 74]. Развитие начального **tl->l-* в восточно-балтийском совершенно отлично от рассмотренного выше развития в середине слова и совпадает с восточно- и южно-славянским быть может под влиянием позднейших диалектных контактов. В сложении с предшествующим названием «волка» в значении «вурдалак» слово выступает в славянском с

озвончением начального смычного, в восточно-славянском и части южно-славянских диалектов исчезающего согласно общей закономерности: *-*dlak*->-*lak*-. Предполагаемая праславянская форма **vľko-dlak*(-ь) почти без изменений отражена в чешск. *vlko-dlak*(-ь). Но возможный книжный характер формы, отчасти отличающий ее от диалектного (ляшск.) *vyľko-dlak* и словацк. *vyľko-lak* (с упрощением начальной группы второй основы того же типа, что в соответствующем лехитском сложном слове), делает вероятным влияние на нее позднепраславянской или не дошедшей до нас старославянской (ранней южнославянской или смешанной древнемакедонско-моравской) формы с приблизительно таким же фонемным составом и значением. Для более ранней эпохи развития пращешского диалекта можно предположить наличие формы, достаточно близкой к древнепрусской по составу фонем и со значением, которое может быть архаизмом: др.-чешск. *tlak-a*, -у 'pub(e)s, растительность на теле как признак зрелости, возмужалости' (в частности, у Кларета: *Clar., Gloss., VI, 7*, строка 1305: *Pubs, tlaka*). Если вслед за специалистами по истории чешского языка принять большую древность этой формы по сравнению с той основой, которая представлена вне сложения в южно-славянском и в составе сложения в других славянских языках, то можно было бы думать, что более поздние (в том числе книжные) влияния привели к замене более древнего слова, по звучанию, но быть может и по значению, еще мало отличавшегося от древнепрусского. Иначе говоря, можно было бы реконструировать для пращешского варианта праславянского **tlak-a* 'растительность на теле, делающая мужчину внешне похожим на медведя и волка' и **vľko-tlak*-ь 'оборотень; мужчина с чертами медведя или волка'. Другие западно-славянские варианты названия волка-оборотня характеризуются лехитским (или ему типологически и ареально подобным) изменением латеральной группы по циркумбалтийскому типу (польск. *wilkotak*, словацк. *vyľko-lak*), где исходная форма могла быть с равным успехом и **tl*-, и **dl*:- второй тип (как в ляшском) мог победить под позднейшим влиянием южно-славянского. В словенск. *voľko-dlak* и сербо-хорват. *vuko-dlak* вторая основа выступает в форме, отличающейся от древнепрусской и древнечешской и в то же время совпадающей с названием 'шерсти, шкуры' в юго-западно-славянских диалектах.

Старосербский текст 1262 г. сохранил форму, в которой можно было бы видеть след более ранней (книжной) старославянской формы: **влькодлаци**. Наличие первого латерального, в сербо-хорватском отсутствующего (в отличие от словенского, сохранившего ранне-юго-западно-славянский облик слова), указывает на вероятность влияния аналогичной незасвидетельствованной формы, которую соответственно можно реконструировать в ранне-юго-восточно-славянском.

В то время как в большинстве южнославянских диалектов изменение $*(-)t/dl- > (-)l-$ регулярно, первоначальные группы согласных (с озвончением первого из них) сохранились в некоторых современных сев.-зап. словенских диалектах, так же как частично во Фрейзингских отрывках и в карантанском. Этот архаизм наблюдается внутри морфа/слога в середине основы (в сев.-зап. словенском) и также (во Фрейзингских фрагментах и в центральных словенских диалектах) в формах типа $v-sed-li$, где морфемный шов (граница морфов, которая может совпадать со слоговой границей) проходит между глагольной основой с исходом на $-d-$ и начальной фонемой $-l-$ глагольного окончания. Сохранение $*-tl/-dl-$ имеет место в полабском, верхнелужицком (нижнелужицкий частично утратил архаичные формы), чешском и польских южных диалектах и силезском (как и в современном литературном польском языке), тогда как в словацком и словенском диалекты с сохранением групп $*-tl/-dl-$ противопоставляются инновационным, в которых осуществляется замена групп фонемой $*-l-$. Поскольку в словацком в диалектах продолжают частично словенские изоглоссы с этим фонетическим изменением, можно было бы думать, что эволюция началась до разделения словацкого и словенского ареалов, вызванного вторжением в VIII–IX вв. пришлецов, говоривших по-немецки и по-венгерски. Особенностью развития в юго-восточно-славянском в отличие от юго-западно-славянского была потеря $d-$ в начальной группе $dl- > l-$ (как в этом сложном слове в восточнославянском, лехитском, словацком) и ранняя диссимиляция двух латеральных фонем, из которых первая ($*l$) в болгарском изменилась в $*r$: болг. *върколак*. По сравнению с предполагаемой исходной индоевропейской формой порядок плавных оказывается обратным: $*r \dots *l$ вместо $*l \dots *r$ (через промежуточное состояние $*l \dots *l$ в балтославянском и диалектах, из него происходящих). В достаточно

древний период раннеболгарское название с измененным составом плавных заимствуется в румынский (рум. *vîrcolak*, вариант *svîrcolak*) и в аромунские диалекты дако-романского (аромун. *vircolác, virculác* ‘вампир, призрак’). В греческий (как в континентальные диалекты новогреческого, так и в диалекты островов) была заимствована юго-восточно-славянская (болгарская) форма слова с измененным первым плавным: греч. *βουρκόλακας* (диалектный вариант *βαρβάλακκας*), прямо или через посредство цыганского заимствования повлиявшая на Пушкина, благодаря которому слово *вурдалак* вошло в литературный русский язык (в западной части восточно-славянской области – в белорусском *воўколак*, украинском *вовкулак* – фонетическое развитие второй части словосложения аналогично болгарскому, а первая часть теряет латеральный). По фонетическим признакам предполагается, что албанск. *vurvollak, vurvullák* заимствовано из греческого. В данном случае на примере этого слова прослеживается последовательное заимствование термина, становящегося общебалканским. Некоторые из подобных балканских слов начинают распространяться еще в период иранизации, связанной с влиянием древнеиранской религии. В частности, к ним относится ставшее общебалканским название огня *vatra* (ср. его след в русском производном *ватрушка*), начало заимствования которого связано с воздействием древнеиранского культа огня.

Не только лексические, но и грамматические общие черты объединяют часть балканских (в том числе южно-славянских) языков с балтийскими, позволяя говорить о пучке балто-балканских изоглосс, связывающих эти языки с некоторыми южно-славянскими. В морфологии глагола к ранним явлениям этого рода можно отнести пересказывательное наклонение (*evidential* в типологической терминологии Р. Якобсона), разные грамматические воплощения которого охватывают значительный ареал от восточно-балтийского (где в этой функции выступает *Modus Relativus*) до балканского, цепочкой связываемого в малоазиатскими и южнокавказскими продолжениями. Взаимодействие нескольких языковых семей (первоначально отдаленно родственных, как балканские индоевропейские языки, на ностратическом уровне соотносимые с алтайскими, к которым относится турецкий, и картвельскими) и языковых союзов (в приводимых иллю-

страциях циркумбалтийских и балканского) создает мозаику, соединяющую воедино унаследованные и ареальные черты.

Литература

Топоров В.Н. (1984). *Прусский язык. Словарь. К–Л*. М.: «Наука».

Adams D.Q. (1999). *A dictionary of Tocharian B*. Amsterdam: Rodopi.

Rosenkranz B. (1978). *Vergleichende Untersuchungen der Anatolischen Sprachen*. Berlin: Mouton.